

Чу Вэй позволил ей делать то, что она хочет, и молча закончил трапезу. Слуга отнес вещи и проводил молодого господина в экзаменационный зал.

Госпожа Чу направила его к двери. Она набожно сцепила руки вместе и молилась о благословении богов: "Пусть мой сын без проблем сдаст экзамен на конференции".

В столицу приехало много кандидатов, чтобы сдать экзамен. Поэтому они были разделены на разные партии, чтобы войти в экзаменационный зал. Чу Вэю не повезло. Он должен был войти в экзаменационный зал рано утром, и ему пришлось ждать в экзаменационном зале целый день.

Когда он подошел к началу очереди, Чу Вэй попросил слугу вернуться первым. Он стоял прямо среди толпы, неся на спине свой экзаменационный кейс.

Его внешность была особенно яркой, а темперамент - элегантным, как чистая и яркая луна. Многие заметили его. Из перешептываний узнали, что это Чу Вэй, красавец номер один, чья хорошая репутация распространилась по всей столице.

Ли Янь, шницзы маркиза Пинчана, который посылал своего хорошего друга Тан Мянэ недалеко, впервые заметил суматоху и оглянулся. Он похлопал Тан Мянэ по плечу, злорадно радуясь его несчастью: "Тан Мянэ, даже Чу Вэй принимает участие в экзамене. Сможешь ли ты все еще получить хороший ранг?"

Тан Мянэ также увидел Чу Вэя. Он нахмурился, но потом успокоился: "Он не продолжал сдавать экзамен в течение семи лет. Я не верю, что его знания так же хороши, как и раньше. Чу Вэй может принять участие в экзамене, он не представляет для меня угрозы".

Сзади, уши Чу Вэя наострились. Внезапно он повернулся и посмотрел на Тан Мянэ.

Ни Тан Мянэ, ни Ли Янь не заметили этого. Ли Янь спросил: "Ты каждый раз становишься одним из лучших в академии. В этот раз ты уверен, что сможешь стать Ученым Номер Один?"

Тан Мянэ осторожно ответил: "Не уверен. Я слышал, что Чан Юйянь, сын заместителя начальника храма Дали, тоже принимает участие в экзамене. Я читал его сочинения и стихи. Он сильный соперник для меня".

Ли Янь не мог не сказать с ревностью: "В любом случае, если ты войдешь в тройку лучших, тебя вызовет сам Его Величество".

Тан Мянэ также не мог не чувствовать себя взволнованным и нервным. Он рассмеялся и притворился спокойным, сказав: "Я точно заставлю Его Величество по-новому оценить меня".

С того матча Цуцзюй он мог только вспоминать лицо императора на картине. Но разве может

внешность человека на картине сравниться с одной десятой настоящего человека?

Настоящий император был светом всей его жизни. Если он хотел помнить его всю жизнь, то ни второго, ни третьего места было недостаточно.

Если бы он выиграл конкурс на звание Ученого Номер Один... В имени, которое он еще не достиг 20-летнего возраста...

Сердце Тан Мянэ пылало жаром.

Чу Вэй спокойно перевел взгляд и опустил глаза, чтобы скрыть свое презрение и усмешку.

Маленький негодяй действительно смеет так думать.

Когда в экзаменационном зале началась конференция, Гу Юаньбай получил новости в императорском дворце.

Он внимательно выслушал доклад. Через некоторое время его поджатые губы слегка изогнулись в довольной улыбке: "Хорошо".

Тянь Фушэн принес ему чашку тонизирующего супа. Увидев, что император доволен, он сказал: "Забота Вашего Величества не пропала даром. В этом году кандидаты честны и искренни; следующее поколение ученых может наслаждаться небольшим оттенком."

Гу Юаньбай кивнул головой и отложил государственные дела в сторону. "Пришло время Чжэнь обдумать тему их [заключительного] дворцового экзамена".

Тянь Фушэн достал архивную книгу, в которой были записаны тысячи эссе о текущих делах, представленных императору в качестве политических советов. Гу Юаньбай перелистнул несколько страниц и покачал головой: "Сколько бы раз Чжэнь их ни читал, кажется неудобным отсутствие знаков препинания".

Тянь Фушэн с сомнением посмотрел на императора: "Знаки препинания?"

Гу Юаньбай: "Ничего страшного".

Знаки препинания - это паузы при чтении непунктуированных древних писаний, разрыв предложения*, как говорили древние. Но этот знак препинания нельзя было ни легко убрать, ни легко использовать.

(* - пауза в конце фразы или предложения в соответствии со смыслом текста)

С древних времен некоторые из единственных сохранившихся теорий были монополизированы академическими фракциями. То, что они монополизировали, было разрушением предложений. Например, в известном высказывании "Людей можно использовать, но нельзя заставить их понять" было два способа разбить предложение. Первый: Люди могут быть использованы, но не могут быть поняты. Второй: Люди могут быть использованы, но не могут быть поняты.

Разные фракции придерживались разных методов разбивки предложений, и их понимание смысла, естественно, было разным. Если бы знаки препинания были введены, это неминуемо привело бы эти академические школы в трепет. В результате возникнет вопрос: кто из них прав, а почему другие не правы? Зачем им сообщать миру о том, как их фракции разбивают предложения?

Причина, по которой академические фракции назывались фракциями, заключалась в монопольной характеристике, которую давали их уникальные культуры. Из-за их уникальных характеристик студенты должны были посвящать себя названию фракции, если они хотели учиться. Когда там училось больше людей, такая фракция становилась ученым тираном.

Даже если бы существовали официальные школы, это не могло бы остановить рост и развитие академических фракций.

Те, кто учился в этой фракции знаний, все имели бы единое разбиение предложений и единое понимание слов святых. В это время, если бы император вдруг ввел знаки препинания, сказав, что сочинение должно быть разбито так-то и прочитано так-то, ученые из разных фракций и фракций с разбивкой предложений, не похожей на официальную разбивку предложений, были бы недовольны. Почему мы ошибаемся? Мы тратим время, энергию и деньги на то, чтобы чему-то научиться. Если это неправильно, не означает ли это, что мы не получаем никаких результатов и учимся впустую?

И фракции с таким же нарушением правил, как и официальное нарушение правил, были бы так же недовольны. Почему наши частные знания открыты для всех? Как то, что мы накапливали поколениями, может стать общим для всех людей?

Как только появился бы знак препинания, это было бы все равно что отнять у них пирог - эти академические фракции никогда бы с этим не согласились.

Знак препинания был хорошей вещью, но Гу Юаньбай не мог убрать его в данный момент.

Когда не было сильного врага внутри и снаружи, и когда император мог поднять стол, пришло время потрясти школы мысли и провести академическую реформу.

Гу Юаньбай перевернул две страницы архивной книги, попивая теплый чай. Когда он понял, о чем подумал, то не смог удержаться от смеха.

Он говорил, что хочет принять свою судьбу, но он был похож на сахарного наркомана, который говорит, что хочет отказаться от сахара, или на курильщика, который говорит, что хочет бросить курить. Он говорил много, но его тело было очень честным. Оно полностью показывало, что значит быть непоследовательным и неискренним.

Автору есть что сказать:

Гу Юаньбай: В моем сердце только карьера.

Будущий Сюэ Юань: ...Лаоцзы умоляет тебя, пожалуйста, посмотри на меня.

<http://bllate.org/book/15154/1338798>